

УДК 316:65.0

С. В. Пирогов**ГОРОД КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД**

Рассматривается проблема социокультурной гетерогенности городской жизни и вытекающая отсюда задача поиска методологических средств организации знаний о городе различной природы. Предметом анализа является особый тип знания о городе, возникающий в процессе интенционального отношения к городской среде. Феномен города рассматривается как социальная когниция – ценностно-смысловая конструкция реальности, задающая как форму восприятия реальности, так и способ «работы» с ней, т. е. систему конкретных решений по организации городской жизни и управлению ею.

Ключевые слова: феномен города, интенциональная реальность, социальная когниция, социальный конструктивизм.

Социокультурная гетерогенность города как эпистемологическая проблема. Урбанисты в поисках определения сущности города давно столкнулись со сложной, гетерогенной (состоящей из различных по своим свойствам элементов) ситуацией, изменчивой, индивидуальной городской средой. На данный момент социо-гуманитарная литература о городе представляет собой пёструю в предметном и методологическом плане мозаику фрагментов городской жизни, которые не складываются в узнаваемую всеми картину однозначной реальности: для представителей разных дисциплин, изучающих город, и сторонников различных парадигм – свой город, своя реальность, различающаяся как своей онтологией, так и релевантными ей предметами исследования. На материале описания городской жизни происходят столкновения различных точек зрения на то, что есть, а чего нет и не может быть: является город естественно-историческим результатом материальной деятельности человека или город есть воплощение культурного проекта [1, 2]; как соотносятся цивилизация и культура в пространстве городской жизни [3, 4, 5]; являются ли исторические формы городов (в частности, западный и российский) модификациями одной сущности или это разные сущности [6, 7, 8]; есть ли у города «душа» и что это такое [9, 10]. Приведена небольшая часть теоретических разногласий по поводу сущности города, но и они показывают, насколько по-разному представлен город в сознании исследователей.

В силу онтологической гетерогенности городской среды тематика современных городских исследований настолько разнообразна, что само понятие «город» приобретает неопределённый характер. Эта когнитивная ситуация, когда «за деревьями не видно леса», особенно характерна для последних десяти лет. Такие авторитетные авторы, как А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко, в своё время писали: «Всякое очередное обращение к проблеме города и урбанизационного процесса неизменно воспроизводит одну и ту же ситуацию: под этими словами-иероглифами каждый понимает свое. Причем разброс представлений настолько велик, что договориться о терминах решительно невозможно. Да и самих определений города отчаянно много» [11. С. 123].

Фрагментация исследовательского поля городской тематики свидетельствует о наличии различных способов репрезентации реальности городской

жизни. Можно даже сказать, что город – это совокупность множества реальностей. Подобного рода высказывания, навеянные работами У. Джеймса, можно встретить в работах представителей чикагской школы социальной экологии. Мы предпочитаем говорить о модусах явленности городской среды в сознании исследователя, которым может быть и обычный житель города. Под модусом предмета мы вслед за А. А. Ивиным и А. Л. Никифоровым понимаем совокупность свойств предмета, присущих ему только в некоторых состояниях и зависящих от окружения предмета и тех связей, в которых он находится [12. С. 208]. Первичная типизация явлений городской жизни может быть сведена к трём основным модусам, которые также можно обозначить как три типа реальности городской жизни. Во-первых, город – это материальная среда артефактов – искусственно созданных предметов для поддержания определённой формы жизнедеятельности. Во-вторых, город – это люди, объединяющиеся в социальные структуры (группы и институты) для реализации своих интересов. В-третьих, город – это континуум отношений. Виды отношений людей к городской среде особенно многообразны: к городским артефактам, месту проживания, ландшафту, к своему лично значимому пространству, к знаковым явлениям и др., что в совокупности составляет реляционную среду жизни. Таким образом, можно констатировать тройственную природу явлений городской жизни: объективную, интересубъективную, интенциональную.

Как объективная реальность, данная нам в ощущениях, город существует как материально-предметная оформленность социальной жизни в виде функционально организованной системы удовлетворения потребностей или, более метафорически – в виде некоторой социальной машины (социального организма), обеспечивающей жизнедеятельность людей, их безопасность и комфорт. Как интересубъективная реальность город существует как институциональная оформленность городской жизни в виде социально-групповых интересов, институциональных механизмов организации и управления жизнью города, политико-идеологических программ, эстетических предпочтений и др. Как интенциональная реальность город представляет собой континуум жизненных миров, элементами которых являются феномены – смысловые конструкции реальности – то, чем надлежит быть реальности.

Здесь мы имеем такую парадигмальную ситуацию, о которой писал П. Бурдьё: «В самом общем виде социальная наука – антропология, социология или история – колеблется между двумя с виду несовместимыми точками зрения: объективизмом и субъективизмом или, если угодно, между физикализмом и психологизмом (который может принимать различные окраски: феноменологические, семиологические и т.п.). С одной стороны, согласно старой дюркгеймовской максиме она [социальная наука] может “рассматривать социальные факты как вещи”... С другой стороны, она может сводить социальный мир к представлениям о нем, конструируемым самими агентами...» [13. С. 182–183]. Однако реальность наших представлений и бесконечность жизненных планов возникают не самопроизвольно, а как результат нашего отношения к тому, что мы имеем, к тому, что нас окружает, в процессе о-своения, о-владения нами имеющихся возможностей удовлетворения потребностей и реализации желаний и целей. Наше сознание (осознание че-

го-либо) носит реляционный характер. Из окружающей реальности мы выделяем значимые и актуальные для нас фрагменты – релевантные (имеющие непосредственное и важное отношение к) тому жизненному миру и той жизненной ситуации, в которых находимся мы сами и который мы разделяем с некоторыми другими или они разделяют с нами. Город – это всегда «мой город» и «наш город», а не город вообще.

Таким образом, город как феномен обладает не только объективными характеристиками, но и intersубъективной значимостью и интенциональным смыслом. Чтобы понять поведение горожан надо понять, представить себе, сконструировать тот континуум жизнедеятельности, в котором реально протекает их жизнь. Город – это предмет нашего сознания-о-нём и нашего отношения-к-нему. И в этом плане его природа (происхождение образа) носит реляционный (отношенческий) характер. Город в нашем отношении к нему существует как интенционально-смысловая конструкция – система жизненных миров, а поскольку наше отношение меняется, то и перманентная деконструкция – континуум феноменов городской жизни, существующих в форме высказываний о том, что есть «на самом деле» и что происходит – какие со-бытия «имели место быть». «Таким образом, восприятие социального мира есть продукт двойного структурирования. Со стороны объективной оно социально структурировано... Со стороны субъективной оно структурировано в силу того, что схемы восприятия и оценивания... вписаны в язык...» [13. С. 196]. Новым, по сравнению с традиционным (классическим) пониманием природы города, является реляционный взгляд на пространство городской жизни, согласно которому в основе поведения горожан лежит intersубъективный смысл, формирующийся в процессе интерпретации конкретной ситуации. Трактовка природы социальной реальности как ситуационно-смысловой согласуется с феноменологическим пониманием социального действия как интенционального переживания реальности. Поведение, понимаемое А. Шюцем как опыт сознания, наделяющий значением спонтанную активность, основывается на личном опыте и личных интересах человека. «В каждый момент своей сознательной жизни я нахожусь в мире, и мое положение в нем – во времени, пространстве, природе и, как мы обсудим далее, как человека среди людей – то, каким оно мне представляется, – я называю моей ситуацией в мире. Следовательно, я всегда нахожусь, как любят выражаться французские экзистенциалисты, «в ситуации» [14. С. 371]. Таким образом, представления, которыми человек руководствуется в своей деятельности, формируются в конкретных ситуациях и отражают не только объективные характеристики предмета восприятия, но также ментальные структуры сознания и ситуативно-практические интересы. Сочетание и взаимообусловленность этих моментов представлений порождают различные формы представленности знания о реальности или – когнитивные модели мышления.

Когнитивное моделирование как методология познания города. Не подвергая сомнению факт существования материальных и социальных структур города, обращаем внимание на третий модус реальности города – реальности представлений о городе. Эта реальность неотделима от *о-сознания* и переживания городской среды и не существует вне процесса от-

ношения к ней. Многочисленные попытки дать только объективно-научное и окончательное определение «городу» приводят к выводу, что оно не существует. «Итак, объекта города нет и быть не может. Он полагается лишь в заднем числом выстраиваемой, искусственно организованной рефлексии проектировщика как сложный системный объект, и тем самым становится действительностью через мышление, впрочем, не переставая быть и некоей натуральной данностью в виде зданий, улиц и мостов» [6].

Существуют различные мнения о сущности города: одна и та же реальность может быть представлена или смоделирована разными способами. Когнитивный подход нацелен на экспликацию и понятийное оформление представлений людей об окружающей их социальной реальности, т.е. социальных представлений. Когнитивные модели можно даже назвать состояниями сознания, определёнными режимами его функционирования. Основным постулатом когнитивного подхода можно сформулировать в виде утверждения, что существуют различные когнитивные модели как разные способы репрезентации реальности. Когнитивные науки показывают множество структур организации знаний. Когнитивная реальность – это реальность самих знаний. Само знание, прежде всего социально-гуманитарное, в когнитивном подходе рассматривается как модели организации социальной жизни, как конструкции систем действия. Если на первом этапе становления когнитивной психологии и когнитивной антропологии утверждалось, что культура как система значений является источником когниций как схем реагирования и поведения, то в дальнейшем внимание исследователей всё больше обращалось к другому источнику – жизненному опыту. Также в области социологии знания произошёл переход от проблематики культурно-мировоззренческого и идеологического контекста (мангеймовская традиция) к проблематике социального конструирования реальности в ходе когнитивных практик (феноменологическая традиция). Идея Вебера о типизации как процессе становления объектности была развита А. Шюцем, который исходил из тезиса о тождественности процессов познания и процессов созидания мира, сформулировал свою задачу как выяснение того, как человек создает социальную реальность и как эта реальность создает человека.

Та урбанистическая реальность, которая предстаёт со страниц сциентистских текстов различных дисциплин как естественного, так и гуманитарного профиля, лишь часть реальности городской жизни. Большая часть представлений о городе «упакована» в другие – не сциентистские когнитивные структуры, и они «работают»: оказывают влияние на поведение и принятие решений, в том числе и по вопросам изменения городской жизни. Это гносеологическое обстоятельство также должно быть изучено. В рамках когнитивного подхода город предстаёт не как обычный сциентистский объект, а как результат социокультурно детерминированной перцепции.

Исследователь процессов восприятия городской среды С. Милграмм ввёл понятие и исследовал ментальные карты города – личностные представления о фрагментах городской среды. Город как географическое пространство и его репрезентация в сознании – это разные реальности, лишь частично изоморфные друг другу. Люди ведут себя не только (а порой и не столько) в соответствии с объективными параметрами среды, но и в соответ-

ствии с оценками этой среды и в соответствии с квазиобъектами – предметами, существующими лишь в воображении. «Главная методологическая проблема здесь состоит в том, как экстерииоризировать ментальную карту, как вывести ее из сферы субъективного опыта индивида и превратить в документ, пригодный для публичного критического анализа» [15. С. 79]. Ментальные карты городской среды являются такими когнитивными образованиями, которые содержат не только рациональные, но и эмоциональные и интенциональные компоненты. При этом они существуют не в форме рациональных схем, которые могут быть эксплицированы в вербальной или графической форме, а в форме образов, имеющих смешанную интеллектуально-визуальную природу.

Таким образом, вопрос о взаимоотношениях визуального восприятия, структуры языка и социокультурной картины мира (коллективных представлений) не так прост и ясен, как это представляется с позиции «наивного реализма» и классического рационализма. Когнитивные модели содержат в себе, наряду с объективно-истинными знаниями, знания другого рода – интерпретативные и проективные когнитивные конструкции. Это обстоятельство делает актуальным тематику соотношения конструктивизма и реализма в познании города. Так, например, анализ феномена топофилии Г. Башляра и открытие им пространства «прирученных» и облюбованных мест позволили говорить об особой феноменологической реальности, где стирается грань между объектными и субъектными характеристиками места обитания [16]. Проблематизация границы «внешней» реальности (окружающего мира) и реальности-для-человека (освоенной реальности), в восприятии города как в аспекте среды, так и в аспекте событий городской жизни также актуализирует проблему изоморфизма представлений и реальности, её репрезентаций в сознании – когнитивных моделей: насколько представления о городе соответствуют реальности городской жизни? И далее появляется ещё более радикально поставленный вопрос: о какой реальности идёт речь, о реальности чего – территории, образов территории, географических образов сознания? Чего-то ещё? Среда обитания – это освоенное пространство – организованное в соответствии с ценностями и практическими целями человека. Как писал ещё М. Элиаде, «...всякая территория, занятая с целью проживания на ней или использования ее в качестве «жизненного пространства», предварительно превращается из «хаоса» в «космос», посредством ритуала ей придается некая «форма», благодаря которой она становится реальной» [17. С. 38]. Реальность образов и представлений – это особая – когнитивная реальность, возникающая как организация знаний: с одной стороны, объективных параметров среды, с другой – культурных смыслов, которые задают контурную схему восприятия. «В структуру определенных географических представлений заложен, как правило, и особый тип восприятия и понимания географического пространства» [18].

Социальные когниции, которые также называют коллективными представлениями (С. Московичи) являются весьма своеобразными «объяснениями». Их отличие от сциентистских объяснительных схем (теории) в том, что они не столько обобщают знания о реальности, сколько конструируют схему ситуации, выделяя, прежде всего, релевантные для данного сообщества в

данной ситуации предметы как фрагменты реальности и соединяют их в определённую когнитивную систему – картину мира. Это отличие – по цели. Специфика социальных когниций как средств познания и взаимодействия в том, что это не язык переменных и протокольных высказываний эмпирической индукции, а язык значений и смыслов. Как писал Вебер, объяснения (в широком смысле, в смысле изучения вообще) должны обладать смысловой адекватностью наряду с каузальной адекватностью (в смысле достаточной эмпирической обоснованности) [19].

В свою очередь, та или иная когнитивная модель города, т.е. форма его представленности в сознании, задаёт форму его восприятия, видения, а значит, и способ «работы» с ним, т.е. систему решений по организации и управлению городской жизнью. Получается, что перцептивно мы можем жить в альтернативных мирах, принимая различные «наборы», или различные каноны репрезентации для различных контекстов. Перцептивная альтернатива делает возможной практическую альтернативу.

В то же время в когнитивных моделях содержится знание (память о ...) эпизодов личного отношения к фрагментам среды и переживание ситуаций, а не простая констатация некоторых событий. В случае с когнитивными моделями мы имеем дело не с реальностью как таковой, а с социально обусловленной схемой реальности. «Отличие схемы от действительного представления конкретного текста (базы текста) заключается в том, что схема модели может содержать в своих терминальных категориях значительный объём информации, которая не выражается и не должна выражаться в предложениях или тексте, например, потому, что она входит в пресуппозицию общего знания или является элементом личной эпизодической памяти, нерелевантным в конкретном тексте» [20. С. 230]. Эта информация находится, так сказать, «за кадром» формальных лингвистических структур, но именно эта информация задаёт контекст происходящего, и если она релевантна другому субъекту коммуникации, то способствует одинаковой интерпретации ситуации. В связи с осознанием этих гносеологических обстоятельств восприятия городской среды и понимания города как мозаики жизненных миров [21] в урбанистику проникают герменевтические установки социального конструктивизма.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М. : КАНОН, 1996. 430 с.
2. Вебер М. Город // Избранное. Образ общества. М. : Юрист, 1994. С. 309–446.
3. Шпенглер О. Закат Европы / пер. Н. Ф. Гарелина. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1993. Т. 1: Образ и действительность. 593 с.
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос : журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4. С. 23–34.
5. Кондаков И. В. Феноменология города в русской культуре // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М. : Наука, 1999. С. 188–292.
6. Смирнов С. А. Антропология города, или О судьбах философии урбанизма в России // Философская антропология. Электрон. дан. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/smirseal/ancity_1.html (дата обращения : 12.04.2010).
7. Ванчуров В. В. Москвософия & Петербургология: Философия города. М. : Пилигрим, 1997. 224 с.

8. Глазычев В. Л. Слободизация страны Гардарики // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания / ред.-сост. С. Б. Чернышов. М. : Аргус, 1995. С. 64–88.
9. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 11–19.
10. Каганов Г. З. Душа и тело города // Человек. 2002. № 1. С. 88–103.
11. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Город в пространстве культуры и в процессе урбанизации: методологические аспекты // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М. : Наука, 1999. С. 123–129.
12. Ивин А. А. Словарь по логике. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
13. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Начала: Choses dites. М. : Socio-Logos, 1994. С. 181–207.
14. Шюц А. Размышления о проблеме релевантности // Избранное : Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004. С. 235–400.
15. Милграмм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб. : Питер, 2000. 336 с.
16. Башляр Г. Дом от погреба до чердака. Смысл жилища // Логос : Журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4. С. 109–134.
17. Элиаде М. Космос и история : Избранные работы. М. : Прогресс, 1987. 312 с.
18. Замятин Д. Н. Феноменология географических образов [Электронный ресурс]. <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.html>04.08.02 (дата обращения: 12.04.2010).
19. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения : пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
20. Дейк Т. А. ван. Эпизодические модели в обработке дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. С. 68–110.
21. Вирт Л. Городское сообщество и цивилизация // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8, вып. 2. С. 21–32.